

В.В. Бычков

**В лучах «Омеги»
(фрагмент из рукописи книги «Художественный
Апокалипсис Культуры»)**

Пробежался как-то на сон грядущий по своим заметкам на полях книг Тейяра де Шардена, и защемило сердце приятной грустью. Вот, совсем вроде бы недавно в первой половине века сколько же все-таки больших умов кипело поисками абсолютных ценностей, Истины и истин, неких сущностных оснований бытия, и созидали великие утопии, и верили в них, и уходили в мир иной с успокоенной совестью, ощущением не зря прожитой жизни... А с чем уйдем мы, все более погружающиеся в вязкую топь всеразьедающего иронизма и цинизма ПОСТ-?

Мы вроде бы еще в Рыбах, но уже ощущаем брызги Водолея, вроде бы еще в Культуре и мыслим и живем ее категориями, но уже примеряем на себя скафандры и шлемы ПОСТ-, вроде бы еще христиане — и ходим в храмы, и воспеваем хвалу Господу, и причащаемся Плоти и Крови Его, но уже ощущаем недостаточность (или избыточность) этой формы религиозности и устремляемся на поиски каких-то иных (как правило, более простых и примитивных) форм и способов общения с иными реальностями...

Метаксуйность глобальная и во всем. Нет покоя в душе, нет сна мятущемуся сознанию... И завидуешь иногда духовной стойкости Тейяра (рука написала было «спокойствию», да здесь же смахнула это с экрана — о каком там спокойствии могла идти речь, когда орден иезуитов, к которому он принадлежал, считал его почти еретиком, запрещал читать лекции, печатать книги etc. — это в

начале-середине XX века! (ну, точь-в-точь как у большевиков в России) — изгнал куда-то на край земли — в Китай, где он и копался всю жизнь в костях синантропов, размышляя о «сверхличности в точке омега»). Вера спасла его! Хотя превратности судьбы сформировали в его лице странный феномен — *религиозного сциентиста*, ученого католика, как-то достаточно коряво, с современной точки зрения, сопрягавшего научные достижения своего времени (в частности, эволюционизм) с глубинной сущностью христианства (креационизмом, в том числе). Тема, конечно, не новая — ей давно занимались всякого рода эзотерики и более масштабно — теософы, начиная с Блаватской, но внутри ортодоксального христианства это только начиналось. В России на этом пути стоял Флоренский, но большевистский режим быстро свернул ему шею. Иезуиты терпимее относились к Тейяру.

Две книги «Божественная Среда» (1926–27) и «Феномен человека» (1938–40). Обе написаны уже в Китае, но их разделяет 10 лет общения исключительно с учеными-антропологами, сциентистами, материалистами, эволюционистами. И результат: глубинная христианская вера остается почти неизменной, но форма изложения идей существенно различается. Странные реверансы перед коллегами по археологической кирке. Если в первой (в самом начале контактов с учеными-естественниками, еще не успевшими повлиять на его менталитет) свободно и вольготно развевается знамя Христа, являющего сущность Божественной Среды, Плеромы, к которой устремлена жизнь человеческая, то во второй на поверхности торжествует близкий к материализму эволюционизм, а Христос в угоду научным коллегам (а может быть, и китайским друзьям — своего рода вселенско-планетарный экуменизм) замаскирован под «Омегу». Христианам и так ясно, Кто есть Альфа и Омега, а остальных нечего дразнить красной тряпкой... Начала ПОСТ-, начала ПОСТ-..., дань духу времени... Хотя это тоже не ново — еще почти за столетия до того Владимир Соловьев вынужден был свои откровения о явлении ему Софии оформить в виде шуточных стихов, чтоб не прослыть, как он сам писал, помешанным или просто дураком — а в первой половине техногенного века антирелигиозная атмосфера на Западе сгустилась еще больше — бедный Тейяр...

И все-таки писания французского иезуита греют душу стоящим (или лежащим) у закрывающихся врат Культуры.

Удивительно спокойной духовной просветленностью веет от «Божественной Среды» (ничего иного от нее, правда, ожидать и невозможно по определению) и ощущается мощное напряжение и пафос сдерживаемого экстатического сознания. Шарден прозревает во всей жизни и деятельности человека, и не только христианина, но последнего особенно, наличие божественного участия. Бог и Мир – две яркие звезды, активно действующие на человека, притягивающие его своими полями, и мудрость человеческой жизни заключается в том, чтобы, не противопоставляя их друг другу, любовью к тому и другому сгармонизировать их притяжения, сбалансировать силы противогравитации. Любая человеческая деятельность (имеется в виду не направленная во вред человеку или Универсуму), активность, интенция наполнены божественной энергией, содержат нечто божественное и имеют какой-то ценностный результат, при том – вселенского масштаба, ибо только вера «в небесную ценность *результатов*» человеческого усилия реально стимулирует способность действовать.

Каждый человек является микросредоточием всей истории Мира, его совокупной энергетике. «Как бы автономна ни была наша душа, она наследует чудесно сработанное до нее совокупностью всех земных энергий существование»¹. Она вступает в Жизнь и сразу же ощущает вокруг себя потоки «космических влияний», требующие усвоения и упорядочивания – к этому и сводится жизнь каждого человека (внесознательно) и христианина – осознанно. Мир медленно накапливает все то из наших усилий и деятельности, что способствует его одухотворению, созиданию Плеромы, завершению мира in Christo Jesu, т.е. «становлению во Христе».

Бог в его живом, воплощенном аспекте не находится где-то вдалеке; «Он ожидает нас каждое мгновение в действии, в текущем деле. Он некоторым образом находится на кончике моего пера, моей кирки, моей кисти, моей иглы, – моего сердца, моей мысли». И доведя «до естественной предельной завершенности» любое дело, человек достигает Цели, вносит свой незаменимый вклад в завершенность бытия. Поэтому вся чело-

веческая деятельность в мире является освященной и вселенски духовно ориентированной, ибо освящена самим Богом. «Повторим: благодаря Творению и, более того, благодаря Воплощению *ничто не является мирским* в земном мире для тех, кто умеет видеть. Напротив, все священо для того, кто различает во всяком творении частицу избранного бытия, подчиненную притяжению Христа на пути к совершению (consommation)»². Как мы знаем, об этом почти столетием раньше Тейяра размышлял другой «вольнодумец» уже в православном ареале архимандрит Феодор (Бухарев), считавший любое творчество освященным божественной благодатью. Христианство, таким образом, для правильно понимающих его, «придает значимость, очарование и новую легкость» всему, что мы делаем.

Однако здесь же коренится и глубокая внутренняя *отрешенность* христианина. Узрев в своей даже самой обыденной деятельности глубинный духовный смысл, ее сущностную «обожженность», он как бы сосредоточивается на этом смысле, на творческом стремлении создать из материальной энергии «частицу истины или красоты» и тем самым уходит от обыденной суетности мира, поверхностного значения своей деятельности.

// Всмотримся в этой перспективе в деятельность какого-нибудь известного современного *пост*-артиста, не сознающего себя христианином, например, Бойса или Кунеллиса, в поте лица колдующего над созданием очередного объекта, энвайронмента, перформанса, и забывшего обо всем на свете в этом мучительном акте борьбы один на один с неподдающимся материалом. А еще лучше в деятельность каких-нибудь малоизвестных российских трудяг-акционистов, священнодействующих в своей квартире в узком кругу друзей над какой-нибудь «примитивной» акцией (см. хотя бы описания акций Натальи Абалаковой и Анатолия Жигалова³). И какие-то вроде бы кощунственные и непозволительные аналогии полезут в голову сами собой. Вот наваждение-то какое... //

Существенно. Если мирского человека вещи интересуют сами по себе (а *пост*-артиста — *сами в себе*, — добавлю *от себя*. — В.Б.), то христианин, убежден Шарден, ищет в реальности мира одного лишь Бога. «Он действительно заинтересован в вещах, но лишь постольку, поскольку в них присутствует Бог»⁴. И Тейяр настолько далеко проникает своим испытующим взором в глубь

вещей, что в самой пассивности, умалении, разрушении и смерти человека прозревает «обожение», позитивное действие божественных сил. Да, человек может возрастая в своем стремлении вверх, к духовному небу, но может и в силу различных обстоятельств умалиться, разрушаться в своем материальном бытии. При этом, убежден мудрый антрополог, пассивная часть нашей жизни неизмеримо обширнее и глубже активной. Не ново, конечно, для человеческого самоощущения, только ленивый не писал о хтонических, дионисийских, бессознательных или сатанинских глубинах человеческой души, но каждому это открывалось по-новому и поражало и ужасало с новой силой. У Тейяра вроде бы нечто иное, но из той же оперы.

Беспросветная Ночь и тьма вокруг небольшого пятнышка нашего сознания и нашей активности, — вне и внутри нас. Ужас неведения и небытия, наполненный чем-то. Бездна, уходящая из-под ног в бесконечность... И эта Бездна и есть сущность Жизни, она и есть Бог, или Божественная Среда (слова здесь слабы и далеки от адекватности, это ощущает и сам Тейяр). «С каждой ступенькой вниз во мне открывалась другая личина, которой я не мог подобрать точного названия и которая больше не подчинялась мне. А когда мне пришлось прекратить свое исследование — потому что дороги больше не было под моими ногами — передо мною разверзлась бездонная пропасть, и из нее извергался неведомо откуда поток, который я осмелюсь назвать *моей жизнью*»⁵. Неизмерима и ужасна глубина Мира «под нами», но и из этой кромешной ночи, бездонной тьмы звучит голос: «Ego sum, nolite timere» (Это Я, не бойтесь) (Мф. 14, 27).

Огромно число сил умаления человека (они, как мы знаем, повергли в XX веке не только одних экзистенциалистов в уныние). Пределом их совокупной деятельности является Смерть. Она есть зло, зло физическое, но мы в состоянии преодолеть ее (его), если только увидим и в ней Бога. И Тейяр показывает нам Его и в Смерти. Любящий Бога всеми силами стремится к соединению с объектом своей любви, к слиянию с Ним, а это и означает в каком-то смысле утрату себя, умаление, переход в *Другого*, преображение, т.е. частичное или полное умирание того состояния, в каком мы были до этого. Умалаясь, разрушаясь физически и душевно в старости, болезни и смерти христиана-

нин фактически и совершает такой переход-умирание-преображение-единение, переходит в Божественную Среду. Смерть превращается в главный фактор животворения.

«Чтобы окончательно проникнуть в нас, Бог должен некоторым образом углубиться в нас, пробуравить нас, создать Себе место. Чтобы вовлечь нас в Себя, Ему нужно переделать, переплавить нас, разъять молекулы нашего существа. И именно Смерть должна раскрыть нас до основания. Она заставит нас претерпеть ожидаемый распад. Она приведет нас в состояние, органически необходимое для того, чтобы на нас сошел божественный Огонь. Так ее губительная сила распада и разложения окажется вовлеченной в самый возвышенный акт Жизни. То, что по природе было пустотой, провалом, возвратом к множественности, может стать в любой человеческой жизни полнотой и единством в Боге»⁶.

// Что здесь? Материалисты посмеются, для истинных христиан не требуется столь упрощенно-усложненного толкования смерти. Мучительная попытка разума, зависшего *между* примитивной наукой начала XX в. и богословием — типично уже для конца христианской эры — сциентистское *пост*-христианство, которое приходится ко двору многим из современных *пост*-артистов. Какое-то грустное очарование ностальгической *игры* сознания. Однако имеем право и так мыслить и понимать. Тем более, что искренность духовного пафоса Тейяра не может быть никем подвергнута сомнению. //

Тонко и глубоко ощущает Шарден смысл христианской (а точнее, любой истинно духовной) аскетики, ее антиномическую двухступенчатость. Конечная цель ее — единение с Богом. Для этого необходимо сначала сформировать то, что должно и может объединиться с Ним, т.е. себя как *полноценную личность* в Мире. Необходимо развивать себя, глубоко и полно овладевать Миром, *стать самим собой* как можно полнее — обрести истинное *личное бытие*. И, достигнув этого онтологического статуса, отвергнуть себя, принять полное умаление, чтобы полностью принадлежать *другому*.

В этом смысл человеческого бытия христианина — предельное возрастание в жизни, в Мире и в себе для последующего полного умаления в Христе. Как можно крепче врасти в Мир, в его полнокровную жизнь и извлечь из нее «максимальную ду-

ховную прибыль, в чем, собственно, и заключается Царство Божие». Именно так (постепенно!) и происходит «полное преобразование» человека в Мира, его личный «крестный путь» к Богу. По Шардену, красота многовековых человеческих усилий и стремлений вверх по тропе вселенского прогресса, постоянно «выпрямляемой» «сверхъестественным образом», т.е. водительством Бога, приводит человека в глубины Божественной Среды – к Плероме духовности. И в путь этот зовет нас постоянно сияющий в душе христианина свет Распятия.

Осуществляется же этот «крестный путь» в *материи*, которая в понимании Шардена не абстрактная философская категория, но – совокупность конкретно осязаемых «окружающих нас предметов, энергий и тварных существ»; это «та всеобщая, универсальная, осязаемая, бесконечно подвижная и разнообразная среда, в лоно которой погружена наша жизнь». Она предельно антиномична для человека. Это и оковы, тянущие его в пропасть бездуховности, и – «физическая радость, счастье осязать, удовольствие от мужественного усилия, счастье возрастания. Она влечет, обновляет, соединяет и цветет». И в пику «застывшему аскетизму» Тейяр, продолжая глубинную христианскую традицию, воспевает гимн материи, питающей и возвращающей дух человеческий: «Но, Боже мой, чем был бы наш дух, если бы он не питался хлебом земных вещей; не услаждался вином сотворенных красот, не укреплялся в человеческой борьбе?»⁷.

Для Тейяра материя – это склон, по которому можно или скатиться в бездну, или подняться к вершине духа – все зависит от позиции и установки самого человека. Он может подойти к материи с чисто материальной, чувственной меркой, но может и – с духовной. Во втором случае перед ним откроется *материя*, претворенная силой Христа, одухотворенная и одухотворяющая, возводящая в Божественную Среду, обоживающая. Именно на нее и уповаet наш ученый иезуит...

И, добавлю, может быть, – величайший духовный оптимист XX века. «Божественная Среда» написана с пафосом человека, которому действительно в некоем мистическом опыте открылось нечто великое, *божественное*. Он ощутил его реально разлитым везде вокруг нас. «Божественное берет нас

в осаду, проникает в нас и придает нам форму [pétrit] при помощи всех без исключения творений. Мы считали его далеким и недостижимым, а оказалось, что мы живем, погрузившись в его пылающие слои»⁸.

Попытка описания Божественной Среды сразу приводит Шардена к традиционному христианском антиномизму, восходящему к главным догматам христианства, к Ареопагиту и т.п., но слабо функционировавшему в среде западного богословия. Божественная Среда у Тейяра *антиномична*, ибо она собирает в себе и приводит к согласию свойства, представляющиеся нам абсолютно противоположными, исключаящими друг друга.

«Огромная, как Мир, и гораздо более грозная, чем самые мощные силы Вселенной, она тем не менее в высочайшей степени обладает насыщенностью и определенностью, составляющими очарование и теплоту человеческой личности»⁹. Она трансцендентна и имманентна Миру, она – Среда, приводящая все в Единство, и Личность; пронизывающая все и вся, близкая и осязаемая, она постоянно ускользает от нас, присутствуя в недостижимой глубине каждой твари, увлекая нас туда. «Благодаря ей соприкосновение с Материей очищает, и целомудренность расцветает как высшая степень любви». Бог, высочайшая Реальность, открывается в ней как «универсальная среда» и «крайняя точка», в которой сходятся все реальности, являя единство в своей множественности, неуловимость в своей близости, духовность в своей материальности.

При всей своей необъятности Божественная Среда является Центром, той точкой, в которой «все элементы Вселенной *соприкасаются* друг с другом тем, что есть в них самого глубокого и окончательного», самого чистого и притягательного. Самые «сокровенные уголки душ» и «основа Материи» – в Божественной Среде. Мы открываем там, «помимо слияния всех красот, некую сверх-живую, сверх-чувствительную, сверх-деятельную точку Вселенной». Только в Божественной Среде реально осуществляется чаемое многими мистическими течениями соединение человека с Богом (с Другим) при полном сохранении своей личностной индивидуальности («соединиться, оставаясь самим собой»).

// В православном сознании XIX–XX вв. близкое к этому состоянию обозначалось как *соборность*. //

Однако! Божественная Среда реально функционирует и открывается человеку только в ответ на его порыв к ней, его устремленность и деятельную направленность на нее. И когда этот порыв достигает определенной силы, он соединяется с встречным действием энергии Вселенского Христа, его «соединяющим преображением», в результате чего человек и получает доступ в Божественную Среду, соединяется с Христом, оживается, достигает Цели человеческой жизни. Божественная Среда у Тейяра — это и есть в конечном счете Вселенский Христос, энергиями которого пронизан весь Универсум и ими вершится постоянное преображение мира и человека, мистерия Воплощения до эсхатологической Парусии.

Удивительный оптимист Шарден верит в то, что и ныне в христианах (по крайней мере) копят *вера, чистота, верность* (как любовь к Богу и ближнему — усиление Божественной Среды за счет этого), которые объединяются в жажду Парусии — последнего Пришествия Христа. И когда «жажда Парусии» накопится в достаточной мере, произойдет ее «взрывное явление» — мистическое Преображение человечества в Божественной Среде. *Однако*. «К мистическому Преображению полностью способен только один субъект — вся совокупность людей, образующих единое тело и единую душу в любви к ближнему. Это сращение духовных единиц Творения под воздействием притяжения Христа и есть высшая победа веры над Миром»¹⁰. И здесь главная (преодолимая ли?) трудность для людей — это сознает и сам Шарден.

Я, человек, принимаю и легко включаю в свой внутренний мир все во Вселенной, что стоит выше или ниже меня, но мой «ближний», «другой» — это великий камень преткновения для человека; это превыше его сил. «Однако Боже мой, “другой” — это не только “бедный, хромой, кривой, слабоумный”, но и просто-напросто другой, тот, кто в своей Вселенной — с виду закрытой для моей — живет, как кажется, независимо от меня и разрушает для меня единство и равновесие Мира, — так вот, буду ли я искренен, если скажу Тебе, что моей инстинктивной реакцией не является желание его оттолкнуть и что одна лишь мысль

войти с ним в духовное общение не представляется мне отвратительной?» Иное будет возможно, полагает Тейяр де Шарден, только в случае, если Господь высветит в жизни другого свой Лик¹¹. И он уповает на это, и с этой верой живет.

Огромная духовная сила человечества проявится лишь тогда, когда будут сломаны перегородки нашего эгоизма, полностью изменятся наши воззрения и мы возвысимся «до восприятия универсальных реальностей как чего-то привычно-практического». Однако оптимист Тейяр не верит в то, что человек может осуществить это по собственной воле (sic! — это уже вряд ли традиционное христианство, упирившее на разумно-оптимальную свободу выбора человека) и своими силами и призывает к божественному авторитаризму: «Иисусе, Спаситель человеческих деяний, ... спаси единство людей, заставь нас подняться над нашим ничтожеством и, прилепившись к Тебе, отважиться выйти в неизведанный океан любви к ближнему»¹².

Вот тогда-то и только тогда возможна будет Парусия, Второе Пришествие, переход человечества на иной уровень бытия:

«Когда-нибудь, возвещает нам Евангелие, медленно нарастающее напряжение между Человечеством и Богом достигнет пределов, обусловленных возможностями Мира. Тогда наступит конец. Подобно молнии, сверкнувшей от одного полюса до другого, незаметно возросшее повсюду Присутствие Христа откроется с внезапностью. Сметая все преграды, за которыми его, казалось, удерживали покровы Материи и взаимонепроницаемость душ, оно покроет собой Землю. И под свободным, наконец, воздействием истинных притяжений сущего духовные атомы Мира, увлекаемые силой, в которой проявятся связующие факторы, свойственные самому Универсуму, займут во Христе или вне Христа (но всегда под влиянием Христа) <свое> место — место блаженства или место страдания — определяемое для них живой структурой Плеромы. «Sicut fulgur exit ab Oriente et paret usque in Occidentem... Sicut venit diluvium et tulit omnes... Ita erit adventus Filii hominis»*. Подобно молнии, пожару, потопу, притяжение

* «Как молния исходит от Востока и видна бывает даже до Запада... Как пришел потоп и истребил всех... Так будет и пришествие Сына Человеческого» (Парафраза Мф. 24, 27; 39).

Сына Человеческого охватит весь круговорот элементов Вселенной, чтобы соединить их в Его Теле или подчинить Его Телу. «Ubicumque fuerit corpus illic congregabuntur et aquilae»**.

Таким будет завершение Божественной Среды»¹³.

Почти о том же, но совсем в иной форме и терминологии идет речь и в «Феномене человека», особенно в его завершающей части. Здесь место объединяющей силы занимает Эволюция, которая способствует «возрастанию сознания» людей в направлении их к сущностному объединению — *мегасинтезу*, и тенденции и предпосылки к этому Тейяр видит уже в современной действительности. «В настоящее время вся совокупность мыслящих сил и единиц вовлечена во всеобщее объединение посредством совместных действий внешней и внутренней сторон Земли, все части человечества проникают друг в друга и сплавиваются на наших глазах в единый блок вопреки тенденции этих частей к разъединению и соразмерной ей»¹⁴. В этом направлении закономерно развивается космический процесс, тенденция к «сверхчеловечеству», в котором Шарден усматривает реальный выход для человечества в будущее. И врата его откроются только «под напором всех вместе» в направлении объединения и завершения духовного обновления Земли.

Человечество видится здесь Тейяру, прежде всего, в его духовной ипостаси («В конечном счете человечество определимо именно как дух»¹⁵), а наука «в современном смысле слова» — это «близнец человечества». И именно на этой базе вершится развитие мышления и сознания, перерастающее в *мегасинтез* — образование ноосферы Земли как некоего единого сверхсознания, некой новой мыслящей единицы на космическом уровне. «Несмотря на свои органические связи, которые мы всюду обнаруживаем, биосфера образовала пока лишь совокупность дивергентных линий, свободных у концов. Изгибаясь под действием мышления, цепи замыкаются, и ноосфера стремится стать одной замкнутой системой, где каждый элемент в отдельности видит, чувствует, желает, страдает так же, как все другие, и одновременно с ними. Гармонизированная общность сознаний, эквивалентная своего рода сверхсознанию. Земля не только покрывается мириадами крупинок мысли, но окутывается

** «Ибо где будет труп, там соберутся орлы» (Мф. 24, 28).

единой мыслящей оболочкой, образующей функционально одну обширную крупинку мысли в космическом масштабе. Множество индивидуальных мышлений группируется и усиливается в акте одного единогодушного мышления»¹⁶. Далекое будущее человечества и его единственный реальный путь вперед в русле Эволюции. Другого человечеству не дано, и оно должно уже сейчас работать в этом направлении и работает.

// И работает, добавлю уже сегодня азь, грешный. И еще как! Вот наглядные примеры: эстетизированная Среда обитания человека, на организацию которой сегодня работают многие искусства, дизайн, архитектура, современные технологии; супер-электронные шоу и психогенные зрелища, объединяющие массы целых стадионов в неких единых ритмо-переживаниях – со времен Древнего Рима приучают человека к единомыслию, одиночеству, одинопаровыпуску; вот, наконец, масс-медиа, TV и великий ИНТЕРНЕТ, опутавший своей паутиной всю Землю в прямом смысле слова и активно унифицирующий отдельные сознания его пользователей. Так что человечество работает! И еще какими темпами! Видел бы это наш великий иезуит! //

В современном мире накопилось громадное количество свободной энергии, и Шарден уповает на то, что она будет в конце концов направлена не на материю, войны и межнациональные конфликты, но в духовно-психическую сферу – на созидание «Духа Земли». Если сегодня машина человечества производит не «сверхизобилие духа», а только материю, то она работает «на обратном ходу». Необходимо ее перенастроить. Энергия – новый дух и новый бог человечества, ведущий его от личности человека к *сверхличности Универсума*. «Личность – специфически корпускулярное и эфемерное свойство, тюрьма, из которой нужно стремиться бежать...»¹⁷

// Уже бежим! И ПОСТ- – существенный шаг на этом пути, но к сверхличности ли бежим?//

Однако, «...неверно искать продолжение нашего бытия и ноосферы в безличном. Универсум – будущее – может быть сверхличностью в пункте омега»¹⁸.

// Здесь просто вспомнить Ницше с его идеей преодоления человека ради выведения новой породы «сверхчеловека». //

В отличие от «антихриста» Ницше Тейяр правоверный неохристианин и у него «точка омеги» — это сверхличность Омега, т.е. сам Вселенский Христос, в котором собираются и суммируются в своей целостности, совершенстве и индивидуальной неповторимости личностные сознания Земли, выделяемые ноогенезом. При этом, чем больше к Центру приближается личностное сознание (принадлежавшее человеку), тем более оно становится собой. «По структуре Омега, если его рассматривать в своем конечном принципе, может быть лишь *отчетливым центром, сияющим в центре системы центров*. Группировка, в которой персонализация всецелого и персонализация элементов достигают своего максимума, без смешивания и одновременно под влиянием верховного автономного очага единения»¹⁹.

// Ну как в который раз не вспомнить о нашей православной *соборности*? Не случайно современные католики уделяют большое внимание этой категории неоправославия. //

Тейяр называет и четыре главных «атрибута» Омеги: *автономность, наличность, необратимость и трансцендентность*. Всякому, хотя бы косвенно знакомому с христианством, ясно, о Ком идет речь. В устремленности человека в Омеге Тейяр видит бегство, ускользание от энтропии — «Гоминизируется сама смерть!». Ибо в Омеге собираются и конвергируются *личности*. При этом «для каждой из них имеется, по самой природе Омеги, лишь одна возможная точка окончательного обнаружения — та, в которой под синтезирующим действием персонализирующего единения, углубляя в себе свои элементы, одновременно углубляясь в себя, ноосфера коллективно достигает своей точки конвергенции в “конце света”»²⁰. В современном мире способствовать продвижению человечества к точке Омега, по Тейяру, должны три фактора: *развитие научных исследований, ориентация их на человека и органическое соединение науки и религии*.

И перспективы развития духовного мира: превращение ноосферы Земли в единое планетарное сознание — отрыв этого сознания от своей материальной основы — синтез планетарных сознаний на галактическом и межгалактических уровнях — восхождение к Омеге. Восхождение возможно и на более ранних этапах. В частности, этап отделения планетарного сознания

Земли от материальной основы — один из конкретных вариантов такого восхождения и «конца света» (для Земли), одновременно. Ибо:

«Конец света — внутренний возврат к себе целиком всей ноосферы, достигшей одновременно крайней степени своей сложности и своей сосредоточенности. Конец света — переворот равновесия, отделение сознания, в конце концов достигшего совершенства, от своей материальной матрицы, чтобы отныне иметь возможность всей своей силой покоиться в боге-омега»²¹.

// Ну вот! И полегло на сердце. Наконец-то совершенно ясно, что есть ПОСТ-. Робкое начало прямого движения к столь возжеланному Концу. К глобальному изменению состояния. Ибо: «Как всякая сила (и чем она богаче, тем в большей степени), чувство Целого (le sens du Tout) рождается бесформенным и смутным»²². И: «Не бесконечный прогресс — этой гипотезе противоречит существенная конвергентность ноогенеза, а экстаз вне размеров и рамок видимого универсума. Экстаз в согласии или раздоре, но как в том, так и в другом случае при внутреннем избытке напряженности. Это единственный биологический выход, подходящий и мыслимый для феномена человека»²³.

Ясно, нищие духом? Утешьтесь! Теперь можно спать спокойно! //

Примечания

- ¹ Шарден Т. де. Божественная Среда. М., 1994. С. 33.
- ² Там же. С. 43.
- ³ Абалакова Н., Жигалов А. Тот арт: Русская рулетка. М., 1998.
- ⁴ Шарден Т. де. Указ. соч. С. 53.
- ⁵ Там же. С. 62.
- ⁶ Там же. С. 78.
- ⁷ Там же. С. 101.
- ⁸ Там же. С. 112.
- ⁹ Там же. С. 113.
- ¹⁰ Там же. С. 156.
- ¹¹ Там же. С. 156–157.
- ¹² Там же. С. 158.
- ¹³ Там же. С. 166.
- ¹⁴ Шарден Т. де. Феномен человека. М., 1987. С. 193.
- ¹⁵ Там же. С. 197.
- ¹⁶ Там же. С. 199.

- ¹⁷ *Шарден Т. де.* Феномен человека. М., 1987. С. 204.
¹⁸ Там же. С. 205.
¹⁹ Там же. С. 207.
²⁰ Там же. С. 214.
²¹ Там же. С. 225.
²² *Шарден Т. де.* Божественная Среда. С. 135–136.
²³ *Он же.* Феномен человека. С. 227.